

Виктор
ТРОСТНИКОВ

ВЕРА и РАЗУМ

ЕВРОПЕЙСКАЯ
ФИЛОСОФИЯ
и
ЕЁ ВКЛАД В ПОЗНАНИЕ
ИСТИНЫ

ГРИФОН
Σ

Виктор Тростников

**Вера и разум. Европейская
философия и ее вклад
в познание истины**

«Грифон»

2009

ББК 86.2+87.3(0)

Тростников В. Н.

Вера и разум. Европейская философия и ее вклад в познание истины / В. Н. Тростников — «Грифон», 2009

Автор книги – известный религиозный философ – стремится показать, насколько простая, глубокая и ясная вещь «настоящая философия» – не заказанное напористой и самоуверенной протестантской цивилизацией её теоретическое оправдание, а честное искание Истины – и как нужна такая философия тем русским людям, которые по своей натуре нуждаются в укреплении веры доводами разума. В форме увлекательных бесед показаны не только высоты и бездны европейской философии, но и значительные достижения русской философской школы, уходящей своими корнями в православное мировосприятие. Прослеживаются истоки современного западного антропоцентризма и разрыва с Божественной Истиной. Данная книга – пример серьёзного и в то же время увлекательного исследования, она может использоваться в качестве компактного пособия по освоению философии для преподавателей, учащихся средних и высших учебных заведений, а также для самообразования. Для всех, кто хочет научиться серьёзно мыслить, познакомиться с философским наследием Европы и России, а также думать о будущем своей страны.

ББК 86.2+87.3(0)

© Тростников В. Н., 2009

© Грифон, 2009

Содержание

Предисловие автора	5
Беседа первая	7
Беседа вторая	11
Беседа третья	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Виктор Тростников

Вера и разум. Европейская философия и её вклад в познание истины

Предисловие автора

Предлагаемые двадцать пять бесед о европейской философии представляют собой краткое изложение двухсеместрового курса, читавшегося на разных факультетах Российского Православного института имени Иоанна Богослова на протяжении пятнадцати лет. Приступив к преподаванию, я сразу столкнулся со стандартной для перестроечного времени трудностью: вся предыдущая методика, равно как и все имеющиеся учебники и учебные пособия, в один момент сделались непригодными для использования, так как основывались на марксистской идеологии, теперь отменённой. Посоветовавшись со специалистами из Института философии РАН, я принял решение читать просто курс истории европейской философии, давая её критическую оценку с позиции православного миропонимания: начать с древних греков и закончить русской религиозной философией Серебряного века. Естественно, что при отсутствии учебной литературы курс поневоле получился авторским, и я чувствовал себя человеком, который начал учиться плавать непосредственно в тот момент, когда его бросили в воду. Но в этом было и нечто полезное: предоставленный самому себе, я осознавал свою ответственность за построение курса и был вынужден непрерывно работать над его усовершенствованием, учитывая в конце каждого года выявленные в ходе преподавания недочёты и исправляя их в новом учебном году. Огромную помощь в этом оказали мне мои студенты своими вопросами, а зачастую и дельными возражениями. Чтобы эта «обратная связь» была как можно более эффективной, я строил изложение не в форме монолога, а именно в форме бесед. В результате курс явно улучшался, нам удалось уточнить само понятие «философии» как науки об «отвлечённых началах» (метафизики) и вывести её за пределы «философствования» (вроде того, каким занимались французские просветители XVIII века), а затем постепенно избавиться от гипноза послекантовской «немецкой классической философии». Чем внимательнее мы в неё вглядывались, тем более убеждались в том, что она является в сущности идеологическим инструментом протестантской цивилизации, представленным всему миру как высший образец человеческой мудрости. Эта разрекламированная и непомерно раздутая в литературе вычурная риторика совершенно затмила в умах многих поколений достижения русской философской школы, уходящей своими корнями в православное мировосприятие. А между тем, насколько простая, глубокая и ясная вещь «настоящая философия» – не заказанное напористой и самоуверенной протестантской цивилизацией её теоретическое оправдание, а честное искание Истины – и как нужна такая философия тем русским людям, которые по своей натуре нуждаются в укреплении веры доводами разума.

Вступив в XXI век, мы обнаружили себя в многополярном мире. Это налагает на каждую из существующих сегодня цивилизаций обязанность самоопределиваться, осознать свою безусловную ценность. Ибо без уважения к самой себе она не будет уважать других, а без уважения к другим цивилизациям как таким же носителям безусловных ценностей не может быть мирного с ними сосуществования и плодотворного сотрудничества. Поэтому задача самоидентификации русской православной цивилизации в области философской мысли становится требованием не только культурным, но и политическим. В беседах и делается попытка такой самоидентификации.

Данные беседы предлагаются не в качестве готового учебника, а в качестве руководства к действиям по его коллективной разработке. В них содержится лишь сама идея будущего курса философии для нефилологических высших учебных заведений России, который неизбежно должен прийти на смену марксистским курсам.

Текст этой книги формировался не только при участии тех, кто слушал мои лекции. В рукописи его прочитали Михаил Спирин и Олег Козлов, сделавшие ряд ценных замечаний. Но самые веские аргументы в пользу его опубликования нашли мои друзья Дарья и Алексей Ананьевы, которым я выражаю особую благодарность.

Беседа первая

Предмет и метод философии

Слово «философия» в переводе с греческого означает «любовь к мудрости». А что такое мудрость? Это не то, что ум. Человек может иметь острый ум, быстро соображать, успешно решать задачи, требующие интеллектуальных усилий, но, если он не разбирается в жизненных ситуациях, не может дать человеку, испытывающему затруднения, хороший совет и сам совершает неблагоприятные поступки, его никак нельзя назвать мудрецом. Умными и даже очень умными нередко бывают дети – мы называем их вундеркиндами или компьютерными гениями и поражаемся совершенству их мыслительного аппарата, – но мудрости в них так же мало, как в любом ребёнке этого возраста.

Мудрость – это и не багаж знаний, не эрудиция. По телевидению часто показывают различные викторины, конкурсы всезнаек, которые могут сразу ответить на самый хитрый вопрос, например: в каком фильме Антониони впервые играл Аллен Делон? Удивляясь человеку, который знает такую чепуху, не видишь в нём ничего такого, что можно назвать мудростью: ведь истинному мудрецу глубоко безразлично, какой лицедей изображал такого-то героя, – у него на уме совсем другое. Его интересуют не частности, а мир в целом, принципы, которые лежат в основе его функционирования. Он размышляет над тем, что есть окружающая нас действительность и как нужно к ней приспособливаться. А для ответа на эти вопросы он ищет внутреннего смысла внешних явлений, сущности вещей, цели своего существования. Иными словами, мудрость есть понимание и чувствование сущности мироустройства и вытекающее из этого умение в него вписаться. Любовь к такому пониманию и есть философия.

Толстой сказал об этом так:

«Философия, в личном смысле, есть знание, дающее наилучшие возможные ответы на вопросы о значении человеческой жизни и смерти».

Как формируется это личное знание? Конечно, из жизненного опыта, из наблюдений – поэтому ни дети, ни поверхностные эрудиты, превращающие свою память в склад не связанных между собой фактов, не могут быть философами. Большинство же людей с возрастом в той или иной степени становятся философами.

Но в наших беседах нас будет интересовать философия не в личном, а в общезначимом смысле, то знание о мире и человеке, которое накапливается веками и тысячелетиями. Мы будем знакомиться с философией *как наукой*, а одним из главных признаков науки является её кумулятивность, накапливаемость мыслей и идей в течение многих поколений. Благодаря этому свойству любая наука представляет собой знание развивающееся, совершенствующееся, повышающее свою ценность. В него вносят свою лепту люди разных стран и разных эпох, и даже те из них, которые ошибаются и выдвигают неверные теории, приносят пользу, так как отрицательный результат не менее важен, чем положительный, – он избавляет от повторения ошибки, ставя на ложном направлении знак «въезд запрещён». Наука, таким образом, есть продукт коллективного труда, и философия – не исключение. Философы, где бы и когда бы они ни жили и на каком бы языке ни говорили и думали, составляют единую семью, в которой каждый каждому близок и понятен. Какой-нибудь древнегреческий мудрец, живший более двух тысяч лет назад, роднее современному философу, чем сосед по лестничной клетке. Читая труд мыслителя древности, наш современник слышит живой голос друга, которого волновали те же мировые проблемы, который, задавая себе те же самые «детские вопросы», нашёл такие красивые и глубокие ответы, что дух захватывает!

Не будем лицемерить, признаемся самим себе, что все мы немножечко снобы. Втайне мы мечтаем о том, чтобы оказаться в элитарном кружке людей либо очень богатых, либо очень

знатных, либо обладающих огромной властью. Но нас туда не пустят, и это хорошо, потому что в этом бомонде на самом деле довольно скучно. И мы поступим по-другому: будем тихонько приходить в компанию аристократов не богатства и власти, а ума и духа – истинной элиты человечества, кладезей мудрости, ударной силы людского интеллекта. Скромно примостившись где-нибудь с краешку, мы будем выслушивать их речи одну за другой, стараясь вникнуть в их богатейшее содержание. Нам важно научиться видеть за внешней оболочкой подлинную суть вещей. И если у нас хватит желаний и терпения набраться ума-разума, о каждом можно будет сказать словами Тютчева:

Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил.

Чтобы не слишком разбрасываться, мы будем выслушивать только европейских мыслителей – мы, русские, сами европейцы, и они нам ближе и доступнее. И выслушивать их станем по старшинству – кто раньше родился, тот пусть раньше и высказывается. Так мы лучше увидим сам процесс накопления философской истины, наглядно убедимся в огромной роли преемственности в этой науке, где ученики внимательно изучают наследие состарившихся или умерших учителей.

Конкретно же реализация этой программы будет состоять в прохождении курса истории европейской философии с момента её возникновения в середине первого тысячелетия до нашей эры и до XX столетия нашей эры. Конечно, мы не будем относиться к идеям, возникшим на разных стадиях развития европейской философии, как к бесспорным истинам, а будем подвергать их критическому анализу. И не потому, что мы умнее древних мыслителей, а потому, что упомянутый принцип накопления в науке предоставил в наше распоряжение достаточную полноту миропонимания, с высоты которой можно судить тех, кто этой полнотой ещё не обладал. В чём же состоит этот надёжный критерий оценки философских построений, которым мы станем пользоваться? Не будем забегать вперёд и раньше времени говорить о нём подробно. Лучше сначала убедиться в его действительности, а уже потом воздать ему подобающую хвалу. Скажем пока, что в выработке этого критерия немалую роль играли и те частичные истины, которые прозревали философы, ещё не обладавшие полнотой миропонимания.

* * *

Вы можете удивиться: почему европейская философия началась только в середине первого тысячелетия до нашей эры? Что же, раньше этого срока, на протяжении многих тысяч лет люди не интересовались тем, что есть мир и каково в нём место человека? Не было, что ли, мудрецов, которые делились своими мыслями на этот счёт с соплеменниками и учения которых записывались, распространялись и становились общепризнанными?

Разумеется, философы рождались во все времена, а значит, во все времена существовала и философия, ибо потребность в ней присуща человеку по самой его природе. Ведь Лев Толстой прав: она даёт ответы на вопросы о значении человеческой жизни и смерти, а что может быть актуальнее таких вопросов?

Да, философия существовала всегда, но до определённого времени она входила в состав *религии*, была от неё неотделима. Но тогда спрашивается: есть ли между ними разница, и если есть, то в чём она состоит?

Сначала о сходстве. Вспомним ещё раз, что разъясняет нам философия. Она разъясняет, что такое окружающий человека мир (объект) и что такое человек (субъект), а также как они

соотносятся. Совершенно то же самое разъясняет нам религия, так что она, как и философия, есть знание о самых общих характеристиках бытия, *универсальное* знание. Но как только они начинают отвечать на поставленный ими вопрос о мироустройстве, так сразу же между ними возникает различие. Ещё перед тем, как приступать к формулировке ответа, религия принимает аксиому, что вне человека (субъекта) помимо видимого мира (объекта) существует ещё одна инстанция, являющаяся для себя, то есть по своей природе, субъектом, но для нас выступающая в качестве объекта. Поскольку этот субъект – объект невидим (нематериален), возникает вопрос, почему религия так уверенно говорит о его существовании и даже утверждает, что он важнее мира и человека? По той причине, что эта божественная инстанция, творящая и организующая всё бытие, *открывается* человеку в актах, которые так и называются – *откровениями*, и открывается именно в этом качестве, не просто говоря «я есть», а и сообщая о себе некоторую информацию. Объём этой информации определяется самой божественной инстанцией – она открывается людям в той мере, в какой хочет. Открывается это высшее начало особым харизматическим избранникам – пророкам – и коллективному сознанию специально созданного для этого института церкви, устанавливающей культ этого начала и соединяющей с ним народную массу. Поэтому религию можно назвать знанием о мироустройстве, основанном преимущественно на Откровении, хотя для его расшифровки и понятного народу истолкования необходимы чисто человеческие способности логического мышления. А вот философия не имеет права ссылаться на Откровение, она самоопределяется в качестве такого познания универсальной истины, которое прибегает только к силе человеческого разума. Правда, все мы по своему опыту знаем, что разум в процессе работы время от времени нуждается в подсказках со стороны интуиции, и философы ею вовсе не пренебрегают. Так что, если быть точными, мы должны сказать, что философия есть такой род универсального познания, который *преимущественно* употребляет интеллект. Поскольку интеллектуальная составляющая есть во всяком религиозном познании, в любой религии имеется некая доля философии. А если считать интуицию тихой подсказкой свыше (что, скорее всего, так и есть), то верно и обратное: в каждой философии есть некая доля религии, а именно – скрытого Откровения, называемого обычно *вдохновением* (дуновением Божьего Духа). Иными словами, религия и философия действительно тесно переплетены друг с другом и являются просто двумя аспектами единого дела познания истины о сущем. Но почему же тогда в середине первого тысячелетия до нашей эры философия демонстративно отделилась от религии?

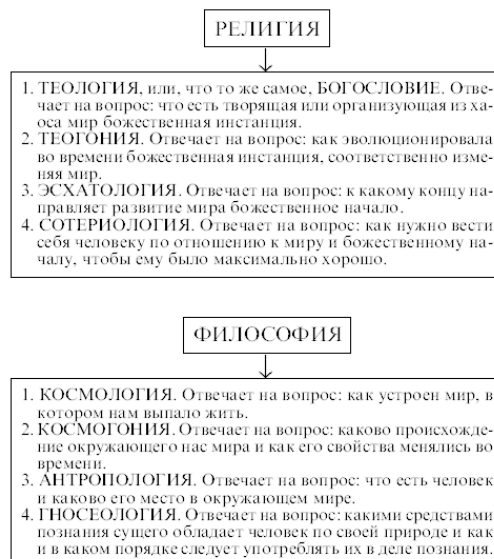
Для того чтобы это произошло, необходимы два условия: вера в общественную инстанцию, а значит и в Откровения, должна уменьшиться, а доверие к логическим рассуждениям – возрасти. Тогда философия станет более надёжным средством проникновения в тайны бытия, чем религия, возьмёт над ней верх и отделится от неё как первенствующая отрасль человеческого знания. Именно это и произошло в VI веке до Рождества Христова в античной Греции, и, прежде всего, даже не в самой Греции, а в её колонии, расположенной на юге Италии. Главный город этой колонии именовался Элея, отсюда и название живших в ней греков – «элеаты». Колония была очень богатой, благодаря мореходному искусству имела выгодные торговые связи со странами Средиземноморского бассейна, и её состоятельные граждане, имея достаточное количество рабов, были избавлены от физического труда. Однако часть из них занимала свой досуг не азартными играми, охотой и пирами, как это делали позже римские патриции, а ещё позже – русские помещики, а открыли для себя более утончённое наслаждение – философствовать. Почему эта страсть распространилась прежде всего в Элее, непонятно, но её возникновение именно в греческой среде вполне закономерно. Эта нация становилась всё более культурной (речь идёт, конечно, о верхушке) и в какой-то момент переросла примитивную языческую религию с её блудником Зевсом во главе пантеона – и верить в Откровения, исходящие от него и окружающих его интриганов, озабоченных только тем, чтобы люди приносили им больше всесождений, было совершенно невозможно. С другой стороны, выборная

система, установленная в эллинских полисах, сильно стимулировала искусство ведения логической аргументации при агитации в пользу того или иного кандидата. Вызванное к жизни ради вербовки избирателей, это искусство затем обратилось на познание истины. Так родилась великая европейская философия.

Отделившись от изжившей себя языческой религии, эллинская философия образовала совершенно новый вид универсального знания, которого раньше нигде в мире не существовало, ибо и в Индии, и в Персии, и в Египте, и в

Китае, и всюду философия была частью религиозного знания. Поэтому мы вправе сказать, что философию как науку создали древние греки. В этом, конечно, нужно признать их огромную заслугу перед человечеством. Рождение научной философии было связано с её отказом пользоваться таким источником информации о сущем, как Откровение. Новая методология привела возникшую науку к новой структуризации: в ней появились разделы, которых в религии не было, а некоторые из тех, что были, теперь выпали. Структурное различие религиозного и философского познания иллюстрируется приведённой схемой.

Структурное различие между религией и философией как двумя видами универсального знания

Беседа вторая

Только что родившаяся философия сразу задаёт свой главный вопрос

Итак, в середине первого тысячелетия до Рождества Христова в рамках эллинской языческой цивилизации впервые в человеческой истории дерзновенная людская мысль предприняла попытку безрелигиозного, или внерелигиозного, осмысления мироустройства. Как мы увидим дальше, она затянется очень надолго. Собственно, весь наш учебный курс будет ответом на вопрос, насколько успешной оказалась эта попытка и дала ли она хоть какой-то результат.

Построение безрелигиозной картины мира началось почти одновременно в двух далёких друг от друга частях греческого мира: в Элее, в Южной Италии, и в провинции Иония (нынешняя Турция) в городах Милете и Эфесе. Все три этих города были греческими колониями. Ионийская школа получила известность раньше элейской, и потому в учебниках по истории философии именно её представителям отдаётся приоритет в создании античной философии. Однако согласно тем определениям, которые мы дали выше, эту стандартную точку зрения следует пересмотреть. Прежде всего надо говорить здесь не об античной (или древнегреческой) философии, а о *философии вообще*, о философии как принципиально новой области исследования, которой раньше никто и нигде не занимался, ибо универсальным знанием, дающим ответы на «мировые вопросы», была религия. Но дело даже не в этом. Ионийские мыслители занимались совсем не тем, что в строгом смысле этого слова следует называть философией. Давайте в этом убедимся.

Основателем и первым учителем ионийской школы был Фалес Милетский (VII в. до н. э.). Он прославился тем, что предсказал затмение Солнца и его стали считать великим мудрецом. Некоторые историки подозревают, что информацию о затмении он получил от посещавших Милет индийских купцов, которые располагали таблицей затмений. Перейдя к проблемам более общим, он заявил, что первоначалом всего, что образует мир, является ВОДА. Космос же он представлял так: в его основании находится имеющая форму диска земля, плавающая в океане. Над ней находятся звёзды, а ещё выше – солнце. Сегодня мы можем сказать, что в его космологии нет и намёка на правду, и даже если под «водой» понимать водород, то есть протоны или электроны, то неверно, что материя состоит из них, ибо есть ещё нейтроны, мезоны и фотоны.

Учеником Фалеса был Анаксимен (VI в. до н. э.). Он учил, что первоосновой вселенной является ВОЗДУХ: его сгущения и разрежения образуют все вещества, нас окружающие. Землю он сделал шарообразной и поместил её в центр сферы, на которой расположены звёзды. Сейчас мы знаем, что небесная сфера – плод зрительной иллюзии и больше ничего. Единственно интересная мысль Анаксимена – объяснение того, почему Земля не падает на звёздную сферу: поскольку Земля находится на одинаковом расстоянии от всех точек небесной сферы, она не знает, на какую точку ей падать (почему на эту, а не на ту?) и поэтому вечно остаётся неподвижной. Тут мы видим предвосхищение «буриданова осла», умершего от голода, находясь между двумя охапками сена. В том же VI веке жил Анаксимандр; у него первоосновой мира было «беспредельное» (апейрон), свойства которого он, впрочем, не разъяснял. Более интересны Эмпедокл (490–430 гг. до н. э.) и Гераклит из Эфеса (544–486 гг. до н. э.). У них не одно первоначало, а четыре: огонь, вода, воздух, земля. Гераклит, единственный из ионийцев, развивал циклическую космогоническую идею. Вселенная меняется повторяющимся образом – огонь живёт смертью земли, воздух – смертью огня, вода – смертью воздуха, земля – смертью воды. Скорее всего, идея цикличности тоже заимствована им от индусов. Гераклит известен также изречениями «Всё течёт, всё меняется» и «Нельзя дважды войти в одну реку».

Конечно, это никакая не философия, а что-то вроде зачатков химии или физики: каждый из ионийцев даёт свою «таблицу Менделеева», список элементов, из которых состоит материя, причём сами эти элементы тоже *материальны*. Одна материя сводится (редуцируется) к другой, вот и всё. Тут нет движения в глубину, тут обсуждается, как одна материя образует другую, а это всего лишь *естествознание* или *натурфилософия*, а она так же отличается от философии, как «милостивый государь» от «государя». Философия начинается там, где ставится вопрос не *из чего состоит* видимая реальность, а *что* невидимое *стоит* за видимой реальностью – тут действительно делается шаг в глубину бытия, тут позади оставляется физика и начинается *метафизика*. Этот шаг сделали настоящие *философы* – элеаты.

Вот подлинные отцы-основатели мировой философии: Ксенофан (родился в 570 г. до н. э.), Парменид (родился в 540 г. до н. э.) и его ученик Зенон (480–430 гг. до н. э.). Наиболее творческой личностью в этой триаде, олицетворением элейской школы, был Парменид – гений самой высокой пробы.

Можно даже сказать, что от элеатов и пошла современная философия, поскольку они правильно поставили вопросы, касающиеся мироустройства, и указали, где и с помощью какой методологии надо искать на них ответы. И с тех пор ничего не изменилось: на протяжении двух с половиной тысяч лет все крупнейшие философы ставят точно те же вопросы и пользуются той же самой методологией для их разрешения. Это означает, что *безрелигиозное постижение бытия*, то есть то предельное знание о мире, которое можно получить не прибегая к Откровению, явилось сразу в своих общих чертах и в дальнейшем подвергалось лишь переоткрытию, уточнению, детализации и переложению на язык и образы, привычные для других поколений. Надо заметить, что многие из этих переложений только замутняли идею Парменида, так что оригинал оставался непревзойдённым.

Ещё одна оговорка. Высказывания самих элеатов дошли до нас лишь в отрывочном цитировании, но дух их учения передаёт нам Платон, который считал себя их учеником и последователем. Он относился к ним с таким пиететом, что в молодости специально ездил в Элею, где старики могли ещё помнить живого Парменида, тем более Зенона. Один из лучших диалогов Платона так и называется «Парменид». Однако мысли великого элеата, как и мысли Сократа, Платон подаёт в своей собственной интерпретации, так что это нельзя считать цитированием. Поэтому то, что мы сегодня говорим об учении Парменида, есть не что иное, как реконструкция. Вот изложение этой реконструкции.

Как и все философы вообще, элеаты имеют своей конечной целью понять существующее, или *сущее*. И, как перед всеми философами, перед ними встаёт вопрос: возможно ли такое понимание? И сразу, с порога они отвечают утвердительно. Эта возможность заложена в самом их определении сущего: **СУЩЕСТВУЕТ ТО, ЧТО МОЖНО ПОЗНАТЬ; ТОГО, ЧЕГО НЕЛЬЗЯ ПОЗНАТЬ, НЕ СУЩЕСТВУЕТ.**

На этом определении стоит остановиться, ибо тут может возникнуть впечатление, будто элеаты – рационалисты. Это совершенно не так. Философский рационализм возник гораздо позже, достигнув апофеоза в декартовском «я мыслю, следовательно, я есть» и в гегелевском «всё действительное разумно, и всё разумное действительно» (под «мыслью» понимается логическое рассуждение, а под «разумным» – то, что удовлетворяет критериям формально строгого вывода). Элеаты же не придают никакой цены формальной логике и нарочито демонстрируют её беспомощность. Именно её дискредитации посвящены знаменитые «апории» (парадоксы) Парменидова ученика Зенона, которые так поразили Пушкина, что он откликнулся на них стихотворением:

«Движенья нет», сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;

Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.

Тут Пушкин имеет в виду апорию «стрела». Она доказывает, что стрела не может лететь. В самом деле, в каждый момент времени стрела находится в определённом месте пространства, то есть в этот момент она неподвижна, но если она неподвижна во *все* моменты, значит, она неподвижна всегда, так что «брадатый» мудрец прав – движенья нет. Зенон иронизирует здесь над рационалистами: вот к чему приводит ваше хвалёное строго логическое рассуждение – к противоречию с тем, что твёрдо знает каждый ребёнок: с тем, что *движение есть*. А откуда мы знаем, что оно есть? Мы это *видим* – пусть кто-нибудь встанет со стула и пройдётся перед нами.

Следовательно, слово «познать» не связано у элеатов с логикой, с дискурсивным рассуждением – они принципиальные иррационалисты. Замечательно, что эта позиция блестяще подтвердилась современной наукой как совершенно правильная. В XIX веке, в период господства рационализма и материализма учёные всерьёз уверяли человечество, что любую истину можно получить с помощью чисто математического вывода, то есть «вычислить» её. Но в 1930-х годах сначала австриец Гёдель, а потом поляк Тарский доказали, что формально-логический вывод как инструмент познания истины очень скромнен по своим возможностям и большинство верных сведений о мире, которыми располагают люди, получены ими совсем другими средствами. Какое же средство избрали в качестве самого надёжного элеаты, что означало для них «познать»?

Это означало для них *увидеть*. Только не физическими очами, а очами ума, *умозрением*. Они признавали наличие в человеке некоей интеллектуальной интуиции, позволяющей уму схватывать суть того, на что он себя направляет. Что именно может схватить, то есть познать наш ум? Конечно, не форму, не цвет, а смысл, идею своего предмета. Но поскольку возможность быть познанным у элеатов равносильна предикату существования, значит, у нас в мире реально существуют идеи, а все остальное производно, вторично и даже иллюзорно. Такое миропонимание называется идеализмом, поэтому мы можем сказать, что создатели европейской философии создали её в конкретной форме философского идеализма, основателем которого несправедливо считается их позднейший ученик Платон.

В области методологии, которую по необходимости им пришлось создавать на голом месте, элейские мудрецы тоже совершили прорыв для всех последующих поколений – создали совершенно новый *язык философии*, основой которого стали *общие понятия (категории)*, или *универсалии*. Этот язык был им абсолютно необходим. Ведь универсалии были для них единственно существующими данностями, из которых складывается всё, а названий для таких данностей в естественном людском языке (в данном случае в греческом) не было, ибо люди с такими абстракциями никогда не имели дела, они для них не являлись реальностью, которую нужно как-то обозначать. Как у негров из Сенегала нет в лексиконе слова «снег», так в дофилософскую эпоху ни у кого не было таких слов, какие теперь употребляются в метафизических рассуждениях. Элеаты указали способ получения этих терминов: их нужно брать из обычного языка, придавая им новое значение, определяемое контекстом. Пример – термин «материя».

Как первооснователи философии, элеаты первыми столкнулись и с проблемой, которая оставалась едва ли не главной головной болью этой науки на всём протяжении её существования и различные решения которой порождали различные её направления и школы. Эта роковая для безрелигиозного универсального познания проблема состоит в следующем.

Философ размышляет над тем, как устроен окружающий мир, хочет разгадать его внутреннюю природу, понять, каков он сам по себе, каким был до появления человека и будет

после его исчезновения с лица земли. Для этого необходимо получить доступ к его сокровенному внутреннему, собственному бытию, а это принципиально невозможно, поскольку мы всегда имеем дело не с миром, как таковым, а с теми донесениями о нем, которые доставляют нам наши органы чувств. Глаз посылает в наш мозг зрительные сигналы, ухо – сигналы акустические, рука, ощупывающая предмет, докладывает тому же мозгу об осязательных ощущениях, и всё это после обработки сознанием порождает *представление* об окружающем мире. Но имеем ли мы право утверждать, что представление о мире и есть сам мир? Дикарь или невежда, конечно, отождествляют эти вещи, но философ, обязанный тонко различать понятия, не должен этого делать. А поскольку мы никак не можем выскочить из представления о мире и пробиться к самому миру, к *вещам в себе* (Ding an sich), как принято говорить со времён Канта, у философа не может не возникнуть чувства неисполнимости своего познавательного замысла.

Чтобы лучше понять эту тупиковую ситуацию, прибегнем к аналогии. В годы «железного занавеса» мы, жившие в СССР, очень хотели понять, что такое Америка, какова там жизнь, в чём суть этой страны. Раз и навсегда ответить на эти вопросы можно было бы только одним способом: съездить туда и какое-то время там пожить. Но это было невозможно. Поэтому мы судили о Соединённых Штатах по радиопередачам «Голос Америки», вслушиваясь в них сквозь треск глушилок. В результате в нашем сознании возникло определённое представление о тамошней жизни, которое мы считали истинным. Но когда занавес пал и мы стали туда ездить, оказалось, что это представление совершенно не соответствовало действительности. Только установив прямой контакт с Америкой в обход радиоволн, мы узнали о ней правду. А установить такой же прямой контакт с внешним миром в обход сигналов наших органов чувств и сделать таким образом «вещи в себе» «вещами для нас», понятыми нами изнутри, совершенно невозможно.

Элеаты не только осознали всю серьёзность этого вызова человеческому стремлению познать мир, но и нашли для себя творческий ответ на него. Чтобы объяснить, в чём он заключался, продолжим нашу аналогию.

Надо ли нам приходиться в уныние оттого, что внутренняя жизнь американского народа отделена от нас «железным занавесом» и потому недоступна нашему прямому наблюдению? – могли мы поставить вопрос в советские годы. Подумав как следует, мы должны были бы всё-таки ответить: не надо. Ведь мы имеем возможность наблюдать внутреннюю жизнь *нашего* народа, вступая с ним в прямой контакт безо всяких радиоволн, а если допустить, что американцы – такие же люди, как и мы, что им свойственны те же мысли, чувства и желания, что они так же реагируют на внешние события, то, учитывая условия, в которых они находятся, мы можем «влезть в их шкуру» и по-настоящему понять их. Допущения, позволяющие сделать это, есть постулат о том, что природа человека, где бы и в каких обстоятельствах он ни жил, одна и та же, что есть некая универсальная идея человека, которую можно постигнуть, изучая ближних, и затем распространить на дальних.

Похожий постулат приняли элеаты. Они предположили, что общезначимые понятия, универсалии, из которых строится, как из кирпичиков, всё сущее, одни и те же для внешней реальности и для внутреннего мира человека (в этом и состоит их общезначимость), и эти универсалии *умопостигаемы*, ибо умопостигаемость и есть существование, то есть принадлежность к сущему. Но тогда всё равно, где постигать эти универсалии – там, где они отделены от нас посредничеством наших органов чувств, или в самих себе, где они открываются нашему уму непосредственно.

Это предположение даёт ключ к познанию *всего*, так как его часть, заключённая в нас, подобна части, находящейся вне нас, – ими управляют одни и те же идеи, одни и те же смыслы. Призыв к пользованию этим ключом древнегреческие философы облекли в краткую форму: ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ, подхваченную Сократом и дошедшую до нас через Платона. Ты –

микрокосм, являющийся миниатюрной моделью большого космоса, всматривайся в себя, и ты поймёшь, как устроен большой космос.

Что же обнаружили элеаты, начав эту интроспекцию? Они обнаружили поразительный факт, до этого никого не поражавший, – тот факт, что *вглядывание человека в самого себя возможно*. Никто раньше этому не удивлялся, а Парменид удивился, и из такого удивления выросла вся европейская философия. Чему же тут было удивляться?

А вот чему. Ведь человек есть *субъект* – то, что вглядывается и размышляет, а то, во что он вглядывается, есть *объект* – объект вглядывания и осмысления. Как же он может быть одновременно субъектом восприятия и его объектом? Что же ему – раздвоиться?

Не надо человеку раздваиваться – отвечает Парменид, – он и так изначально раздвоён: в нём есть и субъект, и объект, и только вместе они составляют микрокосм, который представляет собой человеческое существо.

Беседа третья

Учение элеатов о «едином»

За две предыдущие беседы, я надеюсь, мы получили уже кое-какие представления о том, что такое философия. Давайте проверим, так оно или нет. У нас есть две методологические установки, которыми мы можем воспользоваться: «Существует то, что можно познать» и «Познай самого себя». Это не так уж мало.

Итак, начнём со второго тезиса. «Я хочу познать самого себя». Это значит, что предмет моего познания – то же самое моё «я», которое хочет познать этот предмет. Чтобы дело как-то сдвинулось с места, надо в первую очередь дать определение этому «я». Как же его определить?

– Что тут думать, – скажете вы, – каждый из нас даёт такое определение, когда начинает писать какое-нибудь заявление или просьбу. Я, скажем, начинаю писать так: «Я, Виктор Николаевич Тростников, проживающий: ул. Верхняя, 40, номер паспорта такой-то, работающий преподавателем в Российском православном университете» – и так далее. Таким образом, разъяснение того, что такое «я», состоит из перечисления характерных для меня свойств или признаков. Их очень много – к перечисленным можно добавить рост, вес, цвет глаз, рисунок отпечатков пальцев и ещё массу чего. Такого набора признаков, какой имеется у меня, не имеется ни у кого на свете, поэтому, если взять его за моё определение, он позволит идентифицировать меня абсолютно безошибочно. Итак, «я» – это человек, имеющий такой-то набор признаков, не так ли? Можно на этом остановиться?

Никак нельзя. Стоит чуть подумать, и это определение рассыпается. Двадцать лет назад у меня были совершенно другие признаки – и жил я не там, и работал в другом месте, и вес был поменьше, и так далее. Но и двадцать лет назад это было то же самое «я», что и сейчас.

Люди, которые смотрят на меня со стороны, то есть для которых я – чистый *объект*, могут отождествлять меня с набором внешних признаков, да и то только в данный момент, поскольку до него признаки были другими и после него станут другими. Да и я сам, если смотрю на себя со стороны, тоже могу описывать себя признаками. Возможно ли это? Конечно, каждый по сто раз в день так себя и видит. В «Войне и мире» Наташа Ростова после бала слышит голос, произносящий: «Какая прелесть эта Наташа!» Чей это голос? Конечно, её же самой, больше никого в комнате нет. Значит, её «я» как воспринимающий субъект действительно отделилось от её «я», как воспринимающего объекта. И такое странное отделение постоянно происходит с любым человеком, поэтому он может описывать себя в заявлении, как бы со стороны.

С тех пор как мне было три года, в моём теле десять раз сменились все клетки, совершенно другим стал облик, выпали на голове волосы, а на подбородке, наоборот, появились, изменились вкусы, мысли стали совершенно другими, то есть на месте того человека появился абсолютно другой человек. Почему же я говорю: «Когда *мне* было три года...» – и это никого не удивляет? По той причине, что я точно знаю: *внутри себя*, то есть как субъект, я в три года был точно таким же, как сейчас, что в этом невидимом ядре моей личности, без которого не было бы ни самой этой личности, ни каких бы то ни было внешних её признаков, описываемых в анкете, – за прошедшие десятки лет ничего ни на йоту не прибавилось и не убавилось.

Итак, задача познания самого себя оказывается более сложной, чем можно было подумать. Надо решить не одну, а целых три задачи: познать своё «я» как субъект, познать своё «я» как объект и познать механизм взаимодействия между этими двумя «я».

Первая задача самая простая. «Я» как объект представляет собой, как и всякий другой объект, набор свойств и признаков. Это – *структура*, состоящая из множества элементов, каждый из которых, в принципе, доступен наблюдению и изучению. Отличие моего «я» как объекта от других объектов, внешних по отношению ко мне, заключается лишь в том, что

некоторые элементы образующей его структуры относятся к моему внутреннему миру и, соответственно, их удобнее наблюдать и познавать мне самому, но и другие люди могут их обнаружить, если будут внимательны. Скажем, мне самому удобнее, чем окружающим, оценить степень своей чувствительности к мнению обо мне окружающих – речь идёт не о реакции на упрёки или похвалы, которая определяется в значительной мере воспитанием, а о внутреннем восприятии, о котором непосредственно никто, кроме меня, знать не может. Но и в этом случае, в момент наблюдения за упомянутым свойством, оно выступает для меня объективным, а самоанализ протекает и здесь по тем же правилам, что и анализ окружающего мира или представления о нём, и возникающие при этом вопросы типичны для гносеологии. Но и внешние наблюдатели, особенно если это психологи, располагающие приборами, могут определить меру моей чувствительности.

О нашем внешнем структурированном «я», «я – объекте», можно сказать ещё и так: это – та составляющая нашей личности, которая только и известна другим людям и которая является поэтому для них самой важной. Для них я – это мой набор признаков, моя структура. Это доказывается существованием закона о сроке давности, после которого наказание за совершенное преступление отменяется. С точки зрения общества и государства, за этот срок человек становится уже не тем, который совершал преступление, а совсем другим, так что нести ответственность за того, предыдущего человека, не обязан. И хотя внутреннее «я» ни у кого ни на волос не меняется, оно окружающих людей не интересует – для них его как бы нет.

Труднее обстоит дело с познанием своего «я» как субъекта. Трудность тут одна, но она имеет принципиальный характер. Чтобы познать, или, что то же самое, понять нечто, надо поставить его перед собой и взглядеться в него, неважно, физическим или умственным взором. То, во что мы вглядываемся, вдумываемся или пытаемся схватить умозрительно, по самому определению есть объект – *объект вглядывания и вдумывания*. Но как только мы делаем наше внутреннее «я» объектом, оно сразу же перестаёт быть субъектом, а ведь мы хотим познать его свойства именно как свойства субъекта. Понять, как устроен какой-то механизм, что у него внутри, можно лишь наблюдая его в действии.

Чтобы познать себя в качестве вглядывающегося в какой-то объект субъекта, я должен взглядеться в себя в тот момент, когда я вглядываюсь в объект, но я не могу вглядываться сразу и в объект, и в самого себя. Поэтому устройство моего внутреннего «я» и его свойства являются для меня непознаваемыми, и, как бы я ни старался, мне не дано узнать, что находится внутри моего «я – субъекта», каково его содержание. А теперь вспомним принцип «чего нельзя познать, того не существует». Структуру моего внутреннего «я» нельзя понять, значит, в нём *нет никакой структуры*, нет частей, то есть оно является целостным, слитным, бесструктурным. Как только мы обращаем свой взор на внутреннее устройство, оно тут же загораживается от нас непроницаемым экраном, следовательно, бессмысленно говорить что-либо об этом устройстве и надо считать, что его вообще нет. Но в этом отрицательном утверждении есть элемент положительного знания. Мы поняли очень важную особенность нашего внутреннего «я»: оно является ЕДИНЫМ. Дуализм человеческого «я» обретает конкретное содержание: «я» как объект множественно, «я» как субъект едино.

К этой информации о нашем внутреннем «я» можно добавить и другую, связанную с его функционированием. Когда я думаю о чём-то или воспринимаю что-то, это делает «я – субъект», ибо думать и воспринимать – дело именно субъекта. В самом акте обдумывания или восприятия не принимают никакого участия качества моего «я» как объекта – ни умственные способности, ни впечатлительность, – они влияют только на то, хорошо ли я обдумываю или воспринимаю свой предмет. Зато, если не будет моего «я» как субъекта, не будет никакого обдумывания и восприятия. Отсюда можно заключить, что наличие во мне моего внутреннего «я» является непосредственной причиной того, что я умею думать и воспринимать, то есть что это *оно* думает и воспринимает. Но просто его наличие не может быть *первопричиной* моего

думания и воспринимания – ведь оно присутствует во мне всегда, а думаю и воспринимаю я лишь иногда. Когда же оно включает в действие свою способность думать и воспринимать и почему делает это? Ответ тут только один: *потому, что оно так хочет*. А спрашивать, почему оно так хочет, нелепо, ибо хотение есть акт воли, а синонимом слова «воля» является слово «свобода» (например, «в 1861 году русским крестьянам дали волю»), свобода же есть отсутствие внешней обусловленности, по-другому беспричинность, а как можно задавать вопрос, в чём причина беспричинности?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.